

Проходит время и появляется энтузиаст, который утверждает, будто *что-то* из этого можно реализовать, воплотить. А потом приходят профессионалы и просто делают сказку былью.

Сегодня впервые на нашем семинаре мы слышали настоящих, подлинных мечтателей, фантастов и романтиков. Будем надеяться, что дальше придут остальные.

К демократическому постиндустриальному обществу — долгий путь

А.В. Шубин, доктор исторических наук

Прежде всего, я бы хотел высказать претензии к организаторам. Они, по-моему, зря впрягли в одну повозку лебедя и щуку. Это совершенно два разных доклада. Обсуждать их вместе совершенно невозможно. Поэтому я хочу поблагодарить Ольгу Георгиевну Леонову за то, что она нас познакомила с нынешним уровнем социологии и политологии, достигнутом в МГУ. Взгляды подобного рода у нас уже много раз защищались и критиковались, и можно просто посмотреть предыдущие брошюры. Я сосредоточусь на докладе Александра Владимировича Бузгалина.

Я не согласен с Г.Г. Малинецким в том, что сегодня у нас были какие-то ненаучные доклады. Во всяком случае, я не могу сказать, что прежние у нас всегда были более научными. У нас всегда присутствует некое сплетение идеологии и объективизма. Это неизбежно в рамках такого регламента. В этом отношении я думаю, что многое из сказанного А.В. Бузгалиным совершенно справедливо.

Чтобы уложиться в регламент, я сначала поступлю как халиф Омар, который говорил о Коране, а я скажу о более скромных своих работах: все, что здесь соответствует моей книге «Великая депрессия и будущее России», докладу «Россия в 2020 году» — это правильно, а все, что не соответствует... Ну, да ладно, я не халиф, я буду только критиковать.

Ключевое различие состоит в следующем: там, где Александр Владимирович говорит, что это «есть», надо просто сразу менять на «должно быть», «желательно, чтобы было», «надо стремиться к...». Постиндустриальное общество — это еще не реальность, а проект. Проект, который я во многом разделяю, но есть большие проблемы со средствами его достижения. В принципе эти задачи правильные, они научны, реалистичны, но как проект. Постиндустриальные процессы наблюдаются, но они, к сожалению, носят гораздо более скромный и **обратимый** характер, нежели полагает докладчик. Я готов бороться за то, чтобы эти процессы **привели к созданию нового общества, но это — длительная борьба, долгий путь.**

Если мы посмотрим на мир «как он есть», то увидим, что процессы в нем «болтаются» в самых разных направлениях. Есть тенденция, о которой говорит докладчик, — протокреатосфера. В этой тенденции он выделяет формы отчужденные, которые **ему** не нравятся, и неотчужденные, которые нравятся, и агитирует нас за одни против других. Я бы это трактовал следующим образом. Те, которые «отчужденные» — это **не тупики**. Характеристика их как тупиков ведет к недооценке угрозы — мол, само отпадет, только ходить туда не надо. Так думали меньшевики о Ленине: он ведет в тупик. А он вел в новую, непредусмотренную ими реальность.

Как реализовывалось социальное государство и индустриальное общество — эта знаменитая триада — Рузвельт, Сталин, Гитлер. Путь Гитлера оказался тупиком, потому что он был купирован силой всего прогрессивного человечества. Можно, конечно, сказать, что это было неизбежно, но то постфактум. Сталинская модель, уж во всяком случае, не вылилась в тупик: советское общество развивалось, эволюционировало, породило культуру, которая и сейчас серьезно влияет на современность. Советская модель, на мой взгляд, могла развиваться и дальше. Что-то у нее было взято шведской моделью, которая здесь отнесена к позитивному варианту. Все это означает, что могут существовать более тоталитарные и

менее тоталитарные варианты формации, более и менее демократичные, плюралистичные варианты формации.

В XXI в. мы столкнемся именно с этим — с вызреванием постиндустриального общества в тоталитарных, в манипулятивных моделях и в горизонтальных сетевых самоуправленческих моделях. И оснований для оптимизма тут пока маловато, потому что тоталитарные формы вызревают гораздо быстрее.

При этом я совершенно не уверен, что развитие происходит *только* вперед. Помните третий закон Ньютона? Сила действия равна силе противодействия, если вы отталкиваетесь в прыжке вперед, опора ваша при этом может сместиться назад. Прогресс в одной точке может обернуться реакцией в других, успехи центра — это повод, чтобы схватиться за голову на периферии. Именно так это и происходило в XVI–XVIII вв., о которых говорил докладчик. Глобализация укрепила эти жестокие правила игры.

Здесь речь идет не о том, что в разных местах возможны разные варианты побед и поражений, а о том, что победы в одном месте способствуют поражениям в других. И положение России, как страны сейчас сугубо периферийной, также не дает оснований для оптимизма.

Выход может быть в разрыве с системой глобализма на основе собственного постиндустриального проекта. Раз существующий миропроjekt является авторитарно-манипулятивным, альтернативный может быть информально-демократическим. Но фокус в том, что такую альтернативу не могут утвердить наши национал-государственные структуры (они могут, конечно, поощрять этот путь, но вообще-то он им органически чужд, что показывает история с профанацией наукоградства в Сколково).

Более реалистичный шанс заключается в следующем: система глобализма в том виде, в каком она существует сейчас, развалится сама. Этот процесс снесет и многие нынешние олигархические системы периферийной власти. И тогда возникает возможность большой игры, может быть, и в России.

Но чтобы Россия была одним из очагов этого проекта, здесь должны уже сформироваться влиятельные силы, выдвинувшие альтернативный постиндустриальный проект. А ничего подобного не наблюдается — одни кружки пока, не более.

Это связано не только с тем, что пропагандисты таких идей плохо их проповедуют. Почва у нас медленно вызревает, особенно в условиях постсоветской социально-культурной деградации. Информалиат, новый постиндустриальный класс, пока только в элементах проглядывает, и эти элементы раздерганы существующей ретроградной социальной системой в разные стороны. Сегодня мало кто может жить «креатосферно», потому что ему тогда есть будет нечего. А зарабатывать на жизнь приходится индустриально, капиталистично, а то и феодально. Вот я отдыхаю душой на этой творческой дискуссии, а одновременно — правлю не очень мне интересный текст, потому что нужно к сроку сдать в издательство. (Это я в порядке самокритики). «Отчуждение» среди нас.

Говорят, что нельзя творцу приказать. «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать». Ничего подобного! Все, что я вижу в реальной неакадемической среде (там просто не платят, поэтому можно писать, что считаешь нужным), в тех местах, где платят деньги — очень четкий заказ. Жестче, чем в шарашке. Манипулятивный полюс формирующейся постиндустриальной системы работает достаточно эффективно. Это не надо сбрасывать со счетов.

Раз мы заговорили о свойствах новой, «неотчужденной» социальной реальности, то продолжу самокритику. Вот я — творец и, по Александру Владимировичу, должен быть против ренты. Пока я его слушал, во мне возник классовый конфликт. Я — автор учебника. Он переиздается раз в год. Я ничего не делаю и получаю деньги. И они для меня очень важны. Соответственно, против ренты интеллектуала можно выступать только при условии, если мы обеспечим творцу возможность творить, не думая о черном дне. Ему, может быть, нужно год думать, прежде чем получится что-то общественно полезное.

Но эта задача — не постиндустриальная, это социальное государство должно обеспечивать. Но у него вечная проблема: какого творца поддерживать, а кто — просто графоман или псевдонаучный аферист. Реформа копирайта нужна, но эта проблема очень сложная и неоднозначная.

Докладчик предложил нам программу-минимум и программу-максимум.

С программой-максимум я согласен и готов ее дополнить: необходимо самоуправление, преобладание горизонтальных связей над вертикальными. И, конечно, соединение трех функций — творца, реализатора и управленца — в одной малой группе. В одном лице — не уверен, но в одной малой группе это возможно. Если этого не происходит, то нет никаких неотчужденных форм, и мы просто тешим себя, говоря о гуманистических постиндустриальных отношениях. Более того, если сохранять индустриальный механизм управления работником — даже при производстве творческой информации — это все еще индустриальное общество. В индустриальном обществе тоже есть творцы, есть некая креатосфера: это интеллигенция, и у нее есть своя функция. Указывая на наличие творческих людей, мы еще не доказываем, что постиндустриальное общество где-то построено. Скорее можно говорить сегодня, что в передовых странах возникло позднеиндустриальное общество.

Нам предлагают программу-минимум, которая представляет собой обычное социальное государство. Это социальное государство, это шведская модель, которая имеет огромное количество практически выявленных недостатков. И главный недостаток — это страшно бюрократическое общество. Перенесение его на весь мир кладет конец любым мечтам о демократическом планировании, потому что планировать что-то, сидя в Рязани, невозможно, если центр, который будет принимать какие-то решения, находится в Лондоне или Шанхае, — это всегда будет манипуляция. Шведская модель в масштабе всего мира меня, честно сказать, пугает. Это бюрократическая утопия, за которую еще Бакунин критиковал Маркса.

В связи с этим я утверждаю, что программа-минимум, которую выдвигает анти (альтер) глобалистское движение на форумах, начиная с Порту-Алегри, — это социальное государство, пройденный этап, попытка вернуться назад, когда уже вполне выявился кризис этой модели. Социальное государство уже подорвано, а где-то и разрушено глобализацией. Его можно возрождать на принципиально новой основе, только в связи с постиндустриальной демократической перспективой.

В документах, принятых антиглобалистским движением, нет признаков понимания этой проблематики, идеологически оно не вышло за рамки обычной социал-демократии (хотя внутри каждой твари по паре, но суммируется это все как лебедь, рак и щука в бледно-розовом спектре). Необходимо принципиально новое решение, основанное на принципах, которые я назвал. Этот процесс, видимо, может развиваться сначала как культурное очаговое явление. Только такой путь позволяет нам выходить из периферии, ибо очаг это сможет сделать, а вот страна в целом — нет. Но есть угроза, что в ходе грядущих глобальных потрясений Россия может быть отброшена еще дальше назад. Возможно, даже полезно сделать шаг назад, чтобы потом совершить два шага вперед. Не надо питать иллюзий, что Россия скоро обгонит человечество в смысле креативности. Но это могут сделать очаги, полисы, наукограды (но не сколковский отмыв, конечно). Это возможно. Необходимо идти этим путем. Тогда Россия может стать частью нового, если это новое победит и в других местах. Но это — долгий и трудный путь.

А.И. Неклесса:

Спасибо, Александр Владленович. Я бы даже усилил ваш тезис, поскольку имеет место слабое различие *желаемого* и *вероятного* будущего. Это, все же, разные вещи. К тому же в значительной мере в докладах оказались размытыми негативные черты «креативного общества» нового века, да и вообще обратная сторона картины будущего. Отсутствие полноты

само по себе рождает ущербную картину, как ущербна Луна в том смысле, что она — неполная...

Антропологический переход: от технологий информационно-материальных к технологиям гуманитарным

**В.Г. Буданов, доктор философских наук,
кандидат физико-математических наук**

Доклады мне понравились. На мой взгляд, они носят постановочный характер и отражают два дополнительных аспекта развития человечества. Я бы сказал, что в одном доминирует технологический, а в другом скорее антропологический, культурный мотив.

Теперь относительно перспектив развития креативности в XXI в. и того, как понимать саму креативность. Как ни странно, но уровень креативности человека во все исторические периоды был примерно один. Весь вопрос в том, на что направлена креативная деятельность. Сегодня мы понимаем креативность как инновации социальные, технологические и т. д. Но ведь человек в традиционном обществе не менее креативен, несмотря на жесткие социальные и технологические рамки — рамки, казалось бы, застывшие, фиксированные. Инновации, как мы знаем, здесь маскируются под традиции (так происходит безусловное их внедрение элитами). Очень опасная экстремальная и непредсказуемая среда охотников и собирателей, жизнь на грани выживания требует другой креативности. Это постоянное обращение к своим интуитивным способностям, чувству природы, некоей когерентности с ней, особые внутренние технологии стабилизации и мобилизации личности в экстремальных условиях, которые современная наука только начинает переоткрывать. Здесь действительно очень большие преимущества человека природного, архаического по сравнению с

современным человеком. Первобытное детство человечества не менее креативно, чем детство ребенка, и не следует это недооценивать. Креативность просто переливается, переходит от одних поприщ деятельности человека, от одних практик к другим. Привычные нам рациональные практики стали доминировать в качестве креативных лишь с эпохи просвещения, на заре техногенной цивилизации. Когда мы говорим о человеке будущего, человеке XXI в., мне кажется, что появляется более объемное понимание человека: тот инструментарий, который в Новое время был отточен нашей цивилизацией, и высокий тонкий скальпель *ratio* позволяет фиксировать наработки, воплощенные в других формах креативности. Китайцы сегодня хорошо этим пользуются (вспомним хотя бы их недавние олимпийские победы). Они прекрасно владеют антропологическими технологиями, которые взяты из культуры традиционного общества и затем применены в области подготовки спортсменов. И когда мы говорим о возможности создания себя, то эти практики великолепно развиты в самостроительстве, выстраивании себя в духовных традициях как гуманитарных антропологических технологиях (в том числе и ментальных). Все это будет развиваться и уже активно осваивается в *high hume* технологиях. Другое дело, что Запад, видимо, способен это осуществить в каких-то доступных, десакрализованных формах и, может быть, поставит на своеобразный поток технологии творчества — образовательного, индивидуального развития и самостроительства личности.

В этом отношении очень важен посыл, содержащийся в докладе О.Г. Леоновой, связанный с антропологической сборкой цивилизаций — российской и иных цивилизаций (страны БРИК), понимающих важность подобной проблемы. Для России эта сборка возможна только в том случае, если мы преодолеем (точнее — зарубцуем) четыре культурных разлома, которые возникли за тысячелетнюю историю России.

Первый разлом связан с переходом от языческой культуры к христианской, второй — с реформами Петровской эпохи, тре-